

Советская политика на Балканах в период чехословацкого кризиса 1938 г.

Мюнхенский сговор 1938 г. относится к самым трагическим страницам всемирной истории. Мюнхен стал синонимом грубого нарушения международного права, надругательства над суверенным чехословацким государством, ярого антисоветизма. Мюнхенская политика империалистических стран заслужила гневное осуждение всего прогрессивного человечества. Она привела ко второй мировой войне. Но определенные круги на Западе не желают учесть уроки прошлого и пытаются в наши дни возродить мюнхенскую политику. Поэтому особую актуальность приобретает изучение опыта борьбы Советского Союза за мир и коллективную безопасность, за спасение Чехословакии в 1938 г. Значительный интерес представляет, в частности, научное исследование советской политики на Балканах в период чехословацкого кризиса 1938 г.

В западноевропейской и американской буржуазной историографии событиям 1938 г. посвящено огромное количество работ. Поток литературы, рассматривающей предысторию мюнхенского соглашения, стал на Западе особенно обильным после того, как были рассекречены документы английского правительства, относящиеся к концу 30-х гг. На основании этих документов буржуазные авторы предприняли новую попытку оправдать политику умиротворения. В недавно опубликованных книгах Я. Колвина, К. Миддлмаса, С. Ньюмена и др.¹ настойчиво проводится мысль о том, что мюнхенский сговор был следствием военной слабости Англии и ненадежности ее потенциальных союзников. При этом фактически отрицается антисоветская сущность политики умиротворения. Более того, многие западные историки стараются переложить тяжесть ответственности за трагические события 1938 г. на СССР. Они утверждают, что Советский Союз якобы не мог и не желал

---

¹ Colvin I. The Chamberlain Cabinet. N. Y., 1971; Middlemas K. Diplomacy of Illusion. L., 1972; Newman S. March 1939: the British guarantee to Poland. Oxford, 1976.

выполнить свои обязательства по договору о взаимопомощи с Чехословакией. Неоднократные заявления Советского правительства о его твердой решимости прийти в случае необходимости на помощь своему союзнику выдаются ими за стремление спровоцировать конфликт между капиталистическими государствами².

Буржуазная мемуарная и научная литература искажает предвоенную историю балканской политики СССР. Например, бывший британский посланник в Софии Дж. Рендел утверждает в своих воспоминаниях, что «с возрождением Германии и ростом нового динамизма в России» будущее малых стран Юго-Восточной Европы «стало действительно мрачным»³. Американский турколог А. Килич и англичанин Э. Вер-Ходж пишут о якобы имевших место попытках Советского Союза создать на Балканах свою сферу влияния⁴. Многие буржуазные авторы рассматривают в своих работах проблему прохода Красной Армии на помощь Чехословакии через румынскую территорию. Но в том, что она не была решена в 1938 г., обвиняется... СССР⁵.

Большое внимание научному анализу дипломатической борьбы на Балканах в период чехословацкого кризиса 1938 г. уделяют историки-марксисты⁶. Достаточно хорошо изучены двусторонние отношения СССР со странами Юго-Восточной Европы⁷. Однако предметом специального исследования советская политика на Балканах накануне и в период мюнхенского сговора в марксистской историографии еще не была. Благоприятные возможности для создания таких исследований открываются в связи с публикацией советских⁸ и французских⁹ дипломатических документов за 1938 г., 3-го тома «Документов и материалов по истории советско-чехословацких

---

² Sherry Mc. J. Stalin, Hitler and Europe. N. Y., 1968, p. 68—69; Lafore L. The End of Glory. N. Y., 1970, p. 227—228.

³ Rendel G. The Sword and the Olive. L., 1957, p. 142.

⁴ Kilic A. Turkey and the World. W., 1959, p. 59; Vere-Hodge E. Turkish Foreign Policy 1919—1948. Geneve, 1950, p. 107.

⁵ Aspekt des relations russo-roumaines: retrospectives et orientations. P., 1967; Mourin M. Les relations franco-sovietiques 1917—1967. P., 1967.

⁶ Волков В. К. Мюнхенскийговор и Балканские страны. М., 1978; Манчев К., Бистрицки В. България и нейните съседи 1931—1939. София, 1976; Чемпалов И. Н. Политика великих держав в Юго-Восточной Европе в период аншлюса Австрии и чехословацкого кризиса 1938 г.— В сб.: Балканы и Ближний Восток в новейшее время. Свердловск, 1974, вып. 3; и др.

⁷ Шевяков А. Советско-румынские отношения и проблема европейской безопасности. 1932—1939. М., 1977; Черников И. В интересах мира и добрососедства. (О советско-турецких отношениях в 1935—1970 гг.). Киев, 1977; Мельцер Д. Болгаро-советские экономические отношения (1934—1939).— Вестн. Белорус. ун-та, 1972, № 1.

⁸ ДВП СССР, т. 21.

⁹ DDF, ser. 2, t. 8—11.

отношений» и нового документального сборника по истории мюнхенского сговора¹⁰.

На основании этих и других источников в настоящей статье делается попытка выявить основные направления борьбы Советского Союза за мир и коллективную безопасность на Балканах в период с марта по сентябрь 1938 г.

Захват Австрии 12 марта 1938 г. позволил Германии приступить к непосредственной подготовке расчленения Чехословакии. Вместе с тем аншлюс создал благоприятные условия для усиления германского натиска на Балканы. «В подготовке новой мировой войны,— писала газета «Известия»,— Австрия является только опорным пунктом для расширения плацдарма германского империализма в Центральной Европе. Фашистская Германия протягивает свои щупальца к румынской нефти, к югославскому хлебу, к венгерской пшенице, к сырьевым богатствам стран Юго-Восточной Европы»¹¹.

Единственным государством, осудившим захват Германией Австрии и выдвинувшим конструктивные предложения, предусматривавшие коллективные меры по пресечению агрессии, был Советский Союз. 17 марта 1938 г. правительство СССР заявило, что оно «готово участвовать в коллективных действиях, которые имели бы целью приостановить дальнейшее развитие агрессии и устранение опасности новой мировой бойни»¹².

Острую тревогу советской дипломатии вызывало весной 1938 г. быстрое расширение экспансии фашистской Германии в Балканских странах. Временный поверенный в делах СССР в Германии Г. Астахов сообщал в конце марта в Москву, что одним из наиболее ярких явлений после аншлюса Австрии «надо считать усиление германской активности на востоке, т. е. (помимо Венгрии) в Югославии, на Балканах и в Турции» Г. Астахов предлагал НКИДу в целях противодействия фашистской агрессии активизировать политическую и экономическую работу в Балканских странах¹³.

Сохранить мир в Юго-Восточной Европе можно было лишь совместными усилиями всех заинтересованных государств. Поэтому стержнем балканской политики Советского Союза весной — летом 1938 г. оставалась борьба за создание системы коллективной безопасности. Основой ее могли послужить франко-советско-чехословацкие договоры о взаимопомощи. В борьбе за создание системы коллективной безопасности на Балканах можно было также использовать французскую систему союзов путем превращения ее в оборонительный союз против герман-

---

¹⁰ Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. (Июнь 1934 — март 1939). М., 1978, т. 3; Документы по истории мюнхенского сговора. 1937—1939. М., 1979.

¹¹ Известия, 1938, 14 марта.

¹² ДВП СССР, т. 21, № 82, с. 129; Известия, 1938, 18 марта.

¹³ ДВП СССР, т. 21, № 108, с. 160.

ской агрессии. В этих условиях успех борьбы за мир и коллективную безопасность в Юго-Восточной Европе в значительной мере зависел от франко-советского сотрудничества.

Проблема укрепления и повышения эффективности договора о взаимопомощи с Францией находилась весной 1938 г. в центре внимания советской дипломатии. Недаром в заявлении правительства СССР от 17 марта франко-советский договор вместе с советско-чехословацким договором рассматривался в качестве основы для создания системы коллективной безопасности в Европе¹⁴. 20 марта нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов сообщил советскому полпреду во Франции Я. З. Сурицу, что «было бы полезно какое-либо заявление Поль-Бонкура или Блюма о готовности Франции принять участие в предлагаемом нами обсуждении европейских проблем»¹⁵. В ответной телеграмме Я. З. Суриц проинформировал НКВД о том, что советский демарш произвел во Франции «несомненное впечатление, но реакция на него все же недостаточно яркая». «Сейчас постараюсь повлиять,—сообщал в Москву полпред,—чтобы правительство более конкретно выявило свою солидарность с нами»¹⁶.

Однако правительство Л. Блюма, находившееся у власти в конце марта — начале апреля 1938 г., не проявило стремления руководствоваться в своих действиях принципами коллективной безопасности. Об этом свидетельствовала позиция, занятая военными и политическими руководителями Третьей республики на заседании постоянного комитета национальной обороны 15 марта 1938 г. Она свелась к утверждению, что единственной реальной помощью, которую может Франция оказать Чехословакии в случае германского вторжения, является всеобщая мобилизация и оборона на линии Мажино. Когда на заседании был поднят вопрос о возможном вмешательстве в конфликт СССР, начальник французского генерального штаба Гамелен заявил, что «он не видит, какую действительную помощь может оказать Россия»¹⁷.

По замечанию советского полпреда в Париже Я. З. Сурица, «никакой программы действий» у Л. Блюма не было, так как сам премьер-министр Франции смотрел на свое правительство, как «на очень кратковременное»¹⁸. Хотя некоторые французские дипломаты выражали в марте — апреле 1938 г. обеспокоенность резким усилением германского нажима на страны Юго-Восточной Европы и предлагали оказать этим странам экономическую помощь¹⁹, правительство Л. Блюма на Балка-

¹⁴ ДВП СССР, т. 21, № 94, с. 138.

¹⁵ ДВП СССР, т. 21, № 94, с. 138.

¹⁶ ДВП СССР, т. 21, № 97, с. 142.

¹⁷ DDF, ser. 2, t. 8, p. 826.

¹⁸ ДВП СССР, т. 21, № 80, с. 127.

¹⁹ DDF, ser. 2, t. 9, N 49, p. 99; N 74, p. 137—139.

нах ограничивалось в основном сбором сведений о ситуации, сложившейся здесь в результате аншлюса Австрии. 4 апреля Я. З. Суриц был вынужден констатировать в своей телеграмме в Москву, что, «несмотря на крайнюю напряженность международной обстановки, французское правительство не изменяет своей позиции нерешительности, бездеятельности и легковерия перед лицом событий, создающих непосредственную угрозу для общего мира и прямую опасность для самой Франции»²⁰.

Позиция правительства Л. Блюма затрудняла привлечение стран Юго-Восточной Европы к политике коллективной безопасности. Тем не менее возможности для этого весной 1938 г. существовали. Аншлюс усилил тревожные настроения в балканских столицах²¹. Советская дипломатия стремилась использовать эти настроения для достижения сотрудничества с малыми странами Центральной и Юго-Восточной Европы в борьбе за защиту мира против фашистской агрессии. 23 марта нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов заверил венгерского посланника в Москве Юнгерт-Арноти в том, что в своих попытках противостоять германскому нажиму Венгрия всегда может рассчитывать на поддержку Советского Союза²².

Энергично действовала весной 1938 г. советская дипломатия в Турции. Главной проблемой в советско-турецких отношениях было достижение сотрудничества в интересах мира и коллективной безопасности²³. Были предприняты меры по расширению контактов с Болгарией. Еще 10 февраля 1938 г. заместитель наркома иностранных дел СССР В. П. Потемкин писал, обращаясь к народному комиссару внешней торговли Е. Д. Чвялеву: «Нас интересует с политической точки зрения возможность укрепления наших связей с Болгарией. Поэтому даже при отсутствии у нас торгового договора с этой страной мы считали бы желательным в той или иной мере установить с ней деловой контакт»²⁴. 28 мая Е. Д. Чвялев сообщил В. П. Потемкину, что им «было дано указание об активизации торговой работы с болгарскими фирмами»²⁵.

Особое внимание было обращено правительством СССР на улучшение отношений с Румынией. 17 марта 1938 г. министр иностранных дел Чехословакии Крофта заявил временному поверенному в делах СССР в Праге М. Шапрову, что под влиянием событий настроение Румынии серьезно изменилось и она «готова к усилению своих связей с Чехословакией и, по-види-

²⁰ Документы по истории мюнхенского сговора, № 41, с. 80.

²¹ DDF, ser. 2, t. 8, N 439, p. 813; N 442, p. 816; N 470, p. 881; t. 9, N 87, p. 126—127.

²² ДВП СССР, т. 21, № 100, с. 148.

²³ ДВП СССР, т. 21, № 142, 146, 147, 165; Манчев К., Бистрицки В. България и нейните съседни, с. 248.

²⁴ Советско-болгарские отношения и связи. Документы и материалы. М., 1975, т. 1, № 467, с. 432.

²⁵ Там же, № 473, с. 438.

тому, с Советским Союзом»²⁶. Спустя несколько дней Крофта спросил советского полпреда в Праге С. Александровского, согласно ли правительство СССР сотрудничать с Румынией. С. Александровский ответил утвердительно²⁷. Чехословацкий министр иностранных дел отмечал в беседе с французским посланником в Праге, что Советское правительство, озабоченное оказанием эффективной помощи Чехословакии, проявило добрую волю по отношению к Румынии²⁸.

27 марта 1938 г. М. М. Литвинов вызвал советского полпреда в Праге С. Александровского в Москву для обсуждения положения в Центральной Европе. По пути в Москву С. Александровскому было поручено посетить Бухарест и встретиться там с новым министром иностранных дел Румынии Комненом. «Тем временем,— писал М. М. Литвинов,— скажите Крофте, что мы будем рады, если он будет подталкивать Румынию к сотрудничеству и пакту с нами»²⁹. 14 апреля 1938 г. С. Александровский встретился с министром иностранных дел Румынии Комненом. В беседе с советским полпредом Комнен ограничился общими заявлениями об отсутствии противоречий между советской и румынской внешней политикой, о верности Бухареста Лиге наций и коллективной безопасности. «От всех уточняющих вопросов,— сообщал в Москву С. Александровский,— Комнен усердно уклонялся... Мудрость Комнена свелась к утверждению, что Румыния как малая страна может вести лишь политику «ждать и наблюдать». Румынский министр дал ясно понять, что политика его правительства целиком зависит от позиции Англии и Франции»³⁰.

Главной целью британской дипломатии весной 1938 г. была подготовка сделки с Гитлером за счет Чехословакии. «Основной внешнеполитической линией английского правительства,— отмечает чехословацкий историк В. Крал,— оставались стремление к сотрудничеству с Германией и попытки свести на нет франко-советско-чехословацкие союзнические договоры»³¹. Для политики правительства Чемберлена было характерно, во-первых, стремление использовать итало-германское соперничество в Юго-Восточной Европе с целью ослабить солидарность стран оси и вынудить Германию пойти на сближение с Англией. Во-вторых, весной—летом 1938 г. Лондон настойчиво пытался обеспечить статус-кво в Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке. Большие надежды возлагались в этом

---

²⁶ ДВП СССР, т. 21, № 85, с. 130.

²⁷ ДВП СССР, т. 21, № 98, с. 146.

²⁸ DDF, ser. 2, t. 9, N 154, p. 318—319.

²⁹ ДВП СССР, т. 21, № 106, с. 157.

³⁰ ДВП СССР, т. 21, № 132, с. 196—197.

³¹ Крал В. План Зет. М., 1978, с. 67.

смысле на договор с Италией 16 апреля 1938 г.³² Заместитель наркома иностранных дел СССР Б. Стомоняков отмечал, что «заключение соглашения с Италией укрепит еще больше взятый Чемберленом курс во внешней политике, усилит нажим Англии в том же направлении на Францию и приведет к заключению англо-германского соглашения»³³.

Английское правительство было готово «уступить» Германии за определенную цену Чехословакию и другие малые страны. Ближайший советник британского премьер-министра Г. Вильсон не скрывал перед советским полпредом в Лондоне, что «Чемберлен вполне считает с возможностью германской экспансии в Центральной и Юго-Восточной Европе и даже с возможностью поглощения (в той или иной форме) ряда небольших центральноевропейских и Балканских государств»³⁴. Выполняя свой союзнический долг, Советское правительство предупредило правительство Чехословакии, где «имеющиеся объективные данные отнюдь не подтверждают готовности Англии оказать противодействие германской экспансии в Средней и Юго-Восточной Европе»³⁵. Британская дипломатия стремилась укрепить свои позиции в Турции и отчасти в Греции. 27 апреля 1938 г. был подписан греко-турецкий договор, касавшийся безопасности границ Турции и Греции с Болгарией. В конце мая Турции был предоставлен английский заем в сумме 16 млн. ф. ст. В балканской политике Великобритании Турции отводилось первое место, Болгарии и Югославии — второе, Венгрии и Румынии — последнее³⁶.

Такая позиция была составной частью политики умиротворения. Север Балканского полуострова рассматривался в качестве возможного коридора для германской агрессии на Восток. А в Турции и Греции, которые находились на подступах к британской колониальной империи, планировалось оказать Германии противодействие. По замечанию английского историка Л. Пратта, для министра иностранных дел Великобритании Галифакса германская экспансия в Юго-Восточной Европе особенно после аншлюса была прямо связана с имперской безопасностью в Средиземноморье и на Ближнем Востоке³⁷.

Неотъемлемой частью политики умиротворения была и сложная дипломатическая игра Форин Оффиса по отношению к французской системе союзов. Весной 1938 г. Англия активизировала подготовку соглашения между Венгрией и странами Малой Антанты об отмене военных статей Трианонского до-

---

³² Watt D. Britain, France and the Italian problem 1937—1939.— In: Les relations franco-britanniques de 1935 a 1939. P., 1975, p. 280—281, 285.

³³ ДВП СССР, т. 21, № 135, с. 201.

³⁴ ДВП СССР, т. 21, № 172, с. 246.

³⁵ ДВП СССР, т. 21, № 175, с. 252.

³⁶ Pratt L. East of Malta, West of Suez. Cambridge, 1975, p. 148—149.

³⁷ Ibid., p. 146.

говора. Одновременно расчищалась почва для соглашения между Балканской Антантой и Софией о предоставлении Болгарии равноправия в области вооружений. Подготовка этих соглашений велась под видом сближения Балканских стран. Однако британское правительство отнюдь не стремилось к созданию в Юго-Восточной Европе антигерманской коалиции³⁸. Действительной целью Лондона были разрушение французской системы союзов и изоляция Чехословакии от соседних государств. Вместе с тем соглашения Венгрии со странами Малой Антанты и Болгарии с Балканской Антантой должны были, по замыслу Форин Оффиса, укрепить британские позиции на юге Балканского полуострова и подготовить почву для переговоров с Германией.

В противоположность Лондону правительство СССР выступало за сближение малых стран Центральной и Юго-Восточной Европы на основе принципов коллективной безопасности. В конце марта 1938 г. нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов указывал венгерскому посланнику в Москве, что Советский Союз не возражает против сближения Венгрии с Малой Антантой, но оно «вряд ли будет возможно, если спор будет продолжаться о территориальных уступках». Тогда же он рекомендовал чехословацкому правительству через его посланника в Москве принять меры для улучшения отношений между Малой Антантой и Венгрией³⁹.

Столь же определенной была позиция СССР по отношению к переговорам Софии с Балканской Антантой. По сообщению болгарского посланника в Москве, М. М. Литвинов заявил ему в конце мая 1938 г., что болгарскому правительству нужно больше видеть то, что объединяет, а не разделяет Балканские государства, поскольку на карту поставлена их независимость, а следовательно, и независимость Болгарии⁴⁰. В то же время в Советском Союзе выражались опасения, что подготавливаемое британской дипломатией соглашение Болгарии с Балканской Антантой ослабит Балканскую Антанту как возможного участника системы коллективной безопасности, ибо оно не имело ничего общего с планами отпора фашистской агрессии⁴¹.

В интересах борьбы за мир правительство СССР в мае 1938 г. продолжало добиваться укрепления франко-советского договора. Ярким проявлением советско-французского сотрудничества могла стать единая линия по отношению к Румынии. В середине мая М. М. Литвинов встретился в Женеве с министром иностранных дел Румынии Комненом. Но Комнен вновь, «делая общие декларации о желании развития друже-

³⁸ Newman S. March 1939 . . . , p. 33.

³⁹ ДВП СССР, т. 21, № 100, с. 148; Венгрия и вторая мировая война. М., 1962, № 20, с. 74—75; № 30, с. 95—96; № 32, с. 97—98.

⁴⁰ Волков В. К. Мюнхенский сговор и Балканские страны, с. 76—77.

⁴¹ Мировое хозяйство и мировая политика, 1938, № 6, с. 153.

ственных отношений, от конкретных тем уклонялся»⁴². М. М. Литвинов беседовал в Женеве также с Ж. Бонне, который занял пост министра иностранных дел в правительстве Э. Даладье, сформированном во Франции в середине апреля 1938 г. Советский нарком указал Ж. Бонне, что одного советского воздействия на Прибалтику, Польшу и Румынию недостаточно, чтобы они позволили СССР оказать помощь Чехословакии⁴³.

Бонне и Даладье убеждали правительство СССР в том, что французская дипломатия настойчиво добивается согласия Румынии на проход Красной Армии через ее территорию на помощь Чехословакии⁴⁴. Однако факты свидетельствуют об обратном. После возвращения из Женевы Бонне встретился с польским послом в Париже Лукасевичем. В своих записях о беседе с французским министром Лукасевич отметил, что он не почувствовал, что Бонне был недоволен отрицательным ответом Комнена о проходе советских войск через румынскую территорию и перспективой подобного ответа со стороны Польши⁴⁵. Правительство Даладье не было озабочено оказанием помощи Чехословакии. На совещании 28—29 апреля 1938 г. английские и французские министры приняли решение «убедить Бенеша сделать максимум возможного» для удовлетворения требований Германии⁴⁶. Майский кризис, до предела обостривший германо-чехословацкие отношения, был использован Англией и Францией в качестве повода для еще более жесткого давления на Прагу⁴⁷.

В конце мая 1938 г. Форин Оффис выдвинул план нейтрализации Чехословакии⁴⁸. Его реализация означала ликвидацию франко-советско-чехословацких договоров о взаимопомощи, смертельный удар по французской системе союзов и изоляцию Чехословакии. Встревоженный возможными последствиями претворения в жизнь британского плана, Наркомат иностранных дел дал распоряжение советскому полпреду в Праге С. Александровскому указать чехословацкому правительству «на опасность английского предложения о нейтрализации Чехословакии»⁴⁹. Со своей стороны, правительство СССР в июне 1938 г. вновь подтвердило свою верность обязательствам по договору с Чехословакией⁵⁰.

---

⁴² ДВП СССР, т. 21, № 197, с. 285; № 169, с. 240—241.

⁴³ ДВП СССР, т. 21, № 182, с. 263; № 197, с. 284.

⁴⁴ ДВП СССР, т. 21, № 198, с. 287; № 203, с. 292.

⁴⁵ Lukasiewicz J. *Diplomat in Paris. 1936—1939*. N. Y., 1970, p. 81.

⁴⁶ *The Diaries of Sir A. Cadogan. 1938—1945*. L., 1971, p. 73.

⁴⁷ Сиполс В. Я. *Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны*. М., 1979, с. 183—184.

⁴⁸ *Международная жизнь*, 1973, № 6, с. 102—103.

⁴⁹ *История дипломатии*. М., 1965, т. 3, с. 427.

⁵⁰ *Документы по истории мюнхенскогоговора*, № 79, с. 141—142.

И французское, и чехословацкое правительства уверяли советских представителей в своем отрицательном отношении к плану нейтрализации Чехословакии⁵¹. Но перед западными дипломатами министр иностранных дел Чехословакии Крофта не скрывал, что его правительство готово заключить пакт о ненападении с Германией и согласится на нейтрализацию, если будут гарантированы чехословацкие границы⁵².

Франция не решилась в июне 1938 г. поддержать английский план, так как он предусматривал уступки Германии за счет французских, но не британских позиций в Центральной и Юго-Восточной Европе. На эту мысль наводили и полученные в конце мая французским МИД сведения о подготовке английской дипломатией соглашения между Болгарией и Балканской Антантой⁵³. Кэ д' Орсе почувствовал себя обойденным. Выправить положение он попытался путем урегулирования отношений с Турцией. В июне были возобновлены франко-турецкие переговоры о решении спорных вопросов по Александреттскому санджаку и заключению договора о дружбе между Францией и Турцией⁵⁴.

Советское правительство положительно относилось к идее франко-турецкого сближения. Оно было готово сотрудничать с Францией и Турцией в борьбе за создание системы коллективной безопасности в Европе. Сотрудничество СССР, Франции и Турции вместе с франко-советским и советско-чехословацким договорами о взаимопомощи могло стать непреодолимой преградой на пути агрессоров. Оно могло также сорвать планы британской дипломатии, направленные на изоляцию Чехословакии, значительно затруднив проведение правительством Чемберлена политики умиротворения.

Со своей стороны, советская дипломатия активно противодействовала попыткам фашистской Германии укрепить свои позиции в Анкаре. 5 июня полпред СССР в Турции А. Терентьев сообщил в Москву о скором отъезде в Берлин генерального секретаря турецкого МИД Менеменджиоглу. Менеменджиоглу хотел убедить Советское правительство в том, что его поездка в Германию преследует чисто экономические цели⁵⁵. Но было ясно, что визит в Берлин столь высокопоставленного турецкого дипломата будет иметь сильный политический резонанс. Поэтому НКИД предложил А. Терентьеву предупредить Менеменджиоглу, что его поездка в Германию вызовет предположение о политическом характере предстоящих там переговоров. «Турции известно,— говорилось в телеграмме НКИД,— что мы считаем нынешнюю Германию не только врагом СССР, но и

⁵¹ ДВП СССР, т. 21, № 206, с. 296—297; № 269, с. 388; примеч. 118.

⁵² Крал В. План Зет, с. 145.

⁵³ Чемпалов И. Н. Политика великих держав..., с. 146.

⁵⁴ ДВП СССР, т. 21, № 222, с. 315.

⁵⁵ ДВП СССР, т. 21, примеч. 86.

всеобщего мира... Всякое политическое сближение с Германией вызывает, естественно, с нашей стороны соответствующую реакцию»⁵⁶.

Правительство СССР приветствовало заключение 4 июля 1938 г. франко-турецкого договора о дружбе. Советский полпред в Анкаре А. Терентьев посетил министра иностранных дел Турции Р. Араса и передал ему поздравления своего правительства по поводу подписания договора, отметив, что он «является большим успехом турецкой внешней политики и вкладом в дело всеобщего мира»⁵⁷. В советской прессе проводилась параллель между франко-турецким договором и договорами, заключенными ранее Парижем, Прагой и Москвой, а также выражалась надежда, что проведение в жизнь соглашения Франции и Турции «даст благотворные результаты и для обеих стран, и для дела мира в целом». «Советская общественность,— писала газета «Известия»,— может только одобрить заключение подобного соглашения между двумя государствами, с которыми Советский Союз сотрудничает в разрешении международных проблем»⁵⁸.

Надежды на то, что франко-турецкий договор станет шагом на пути создания системы коллективной безопасности не оправдались. 9 июля 1938 г. французский посол в Москве Кулондр сказал своему болгарскому коллеге Антонову, что франко-турецкие соглашения являются частью той политики, которую Франция вместе с Англией проводят в Восточном Средиземноморье и на Балканах⁵⁹. Кулондр преувеличивал степень англо-французской солидарности в балканских вопросах. Но из его заявления явствовало, что правительство Даладье стремилось превратить франко-турецкий договор 4 июля 1938 г. в составную часть политики умиротворения.

Важно также отметить, что в середине 1938 г. пренебрежение французских правящих кругов принятыми на себя международными обязательствами стало еще более откровенным, чем раньше. 21 июля 1938 г. Бонне прямо заявил чехословацкому посланнику в Париже Осускому, что «Франция не будет воевать из-за судетского вопроса»⁶⁰. Наблюдалось сильное ухудшение франко-советских отношений⁶¹. Советский полпред во Франции Я. Суриц сообщал в Москву, что «Даладье как с единственно реальным союзником считается только с одной Англией»⁶².

---

⁵⁶ ДВП СССР, т. 21, № 221, с. 314.

⁵⁷ ДВП СССР, т. 21, № 253, с. 35, примеч. 106.

⁵⁸ Известия, 1938, 8 июля.

⁵⁹ ЦДИА, ф. 176, оп. 7, л. 876, л. 2—3.

⁶⁰ DDF, ser. 2, t. 10, N 238, p. 437.

⁶¹ ДВП СССР, т. 21, № 275, с. 402.

⁶² ДВП СССР, т. 21, № 275, с. 397.

Однако сам факт подписания франко-турецкого договора и ясно выраженная Советским правительством готовность сотрудничать с Францией и Турцией в борьбе за создание системы коллективной безопасности произвели несомненное впечатление в европейских столицах. 10 июля 1938 г. германский посол в Анкаре обратился с вопросом о значении франко-турецкого договора к министру иностранных дел Турции Р. Арасу⁶³. По сообщению болгарского посланника в Москве Н. Антонова, в Риме опасались «создания новой оси между Францией, Турцией и Советским Союзом»⁶⁴. Стремление воспрепятствовать сближению СССР с Францией и Турцией в значительной мере определило характер действий британской дипломатии на Балканах.

В советской литературе, посвященной Салоникскому соглашению, уже отмечалось, что в отличие от 1936 г., когда для пересмотра статуса Черноморских проливов была созвана конференция заинтересованных государств, в 1938 г. Англия настойчиво добивалась ревизии Нейиского договора и отмены решения Лозаннской конференции о демилитаризованных зонах во Фракии путем прямых переговоров между балканскими правительствами. Причем Лондон не останавливался даже перед нарушением норм международного права. Под договорами в Нейи и Лозанне поставили подписи великие державы, и страны Юго-Восточной Европы не имели формального права аннулировать их статьи. Некоторые исследователи объясняют этот ход Форин Оффиса тем, что Лондон беспокоила лишь позиция Италии, а ее согласие было получено по болгарским дипломатическим каналам^{65–66}.

На наш взгляд, такой подход не вскрывает антисоветской направленности балканской политики правительства Чемберлена. Одной из основных целей британской дипломатии при подготовке Салоникского соглашения 1938 г. было отстранение от участия в балканских делах Советского Союза. В Форин Оффисе были еще свежи воспоминания о конференции в Монте, когда сотрудничество СССР с Францией и черноморскими странами заставило английское правительство пойти на уступки в вопросе о Проливах. Поэтому в 1938 г. Лондон приложил максимум усилий, чтобы подготовить соглашение между Болгарией и Балканской Антантой в обход Советского Союза и Франции.

Оно было заключено 31 июля 1938 г. в Салониках. Салоникское соглашение предусматривало предоставление Болгарии равноправия в области вооружений, отмену демилитаризованных зон во Фракии, отказ от применения силы при решении

---

⁶³ DGFP, ser. D, v. 5, note 3 to doc. N 548, p. 732.

⁶⁴ ЦДИА, ф. 176, оп. 7, д. 853, л. 16.

^{65–66} Волков В. К. Мюнхенский сговор и Балканские страны, с. 84–85.

спорных вопросов и т. д. Салоникское соглашение было очень сдержанно встречено Советским Союзом. Такая позиция была полностью оправдана. После заключения соглашения с Болгарией связи участников Балканского пакта еще более ослабли. Следовательно, сузились возможности для использования Балканской Антанты в борьбе за создание системы коллективной безопасности. Заключение соглашения в Салониках привело к усилению антисоветских тенденций во внешней политике балканских правительств. В сентябре 1938 г. временный поверенный в делах СССР в Софии Н. Прасолов был вынужден выразить протест премьер-министру Болгарии Кыосеиванову по поводу враждебных действий болгарского правительства в отношении Советского Союза. В ответ на заверение Кыосеиванова о стремлении Болгарии придерживаться политики нейтралитета Н. Прасолов заявил, что «при нынешнем международном положении политика нейтралитета является невозможной»⁶⁷.

Реакция Советского Союза на заключенное 23 августа в Бледе соглашение между Венгрией и странами Малой Антанты об отмене военных статей Трианонского мирного договора была отрицательной. В советской прессе подчеркивалось, что венгро-чехословацкие отношения остались неурегулированными⁶⁸. Салоникское и Бледское соглашения способствовали изоляции Чехословакии от ее союзников по Малой Антанте и других Балканских государств.

В условиях резкого возрастания германской опасности для Чехословакии особое значение имела позиция Румынии, через территорию которой могла быть оказана Советским Союзом помощь Чехословакии. В сентябре 1938 г. М. М. Литвинов вновь встретился в Женеве с румынским министром иностранных дел Комненом. Нарком иностранных дел СССР проинформировал Комнена о своей беседе с германским послом в Москве Шуленбургом, в которой М. М. Литвинов выразил уверенность, что «чехословаки будут защищаться, Франция придет к ним на помощь и что СССР в этом случае, естественно, выполнит свои обязательства»⁶⁹. Румынское правительство должно было сделать из этого заявления выводы.

Понимая, однако, что воздействия только СССР на Румынию недостаточно, Советское правительство предложило использовать для этой цели Лигу наций⁷⁰. Обсуждение в Женеве вопроса об угрозе германской агрессии против Чехословакии и вынесение соответствующего решения, пусть не единогласно-

---

⁶⁷ ДВП СССР, т. 21, № 346, с. 490—492.

⁶⁸ Правда, 1938, 28 авг.

⁶⁹ ДВП СССР, т. 21, № 317, с. 456—457; Kral V. Rumunská a pruchod Rude Armady na pomoc Československu v roce 1938.— Slovansky prehled, 1966, N 6, s. 337.

⁷⁰ ДВП СССР, т. 21, № 324, с. 470.

го, а большинством голосов, произвело бы несомненное впечатление на Германию, а также могло привести к пересмотру румынским правительством своей внешнеполитической позиции. Британская делегация сообщила из Женевы в Лондон, что Советское правительство предложило провести совещание Англии, Франции и СССР с участием Румынии и других стран⁷¹. Но эти предложения остались без поддержки. Империалистические государства уже решили судьбу Чехословакии.

29 сентября 1938 г. состоялась конференция Германии, Италии, Англии и Франции в Мюнхене. На ней было принято решение об отторжении от Чехословакии Судетской области, что наносило смертельный удар по независимости чехословацкого государства. Лишь Советский Союз был готов в эти критические дни выступить на защиту Чехословакии независимо от позиции Франции и решения Польшей и Румынией вопроса о проходе Красной Армии через их территорию⁷². С целью выполнения своих обязательств по советско-чехословацкому договору правительство СССР провело целый комплекс военномобилизационных мероприятий, охвативших не только западные приграничные области, но и глубинные районы вплоть до Волги и Урала⁷³. Но буржуазное правительство отказалось от советской помощи, решив подчиниться мюнхенскому диктату.

* * *

Балканская политика Советского Союза весной — летом 1938 г. была подчинена интересам борьбы за мир и коллективную безопасность, за спасение чехословацкого государства. Основой для создания системы коллективной безопасности в Центральной и Юго-Восточной Европе могли стать франко-советско-чехословацкие договоры о взаимопомощи и соответствующим образом реорганизованная французская система союзов. Советская дипломатия в период чехословацкого кризиса 1938 г. настойчиво пыталась привлечь к сотрудничеству в борьбе против фашистской агрессии на Балканах Францию и страны Юго-Восточной Европы. Правительство СССР использовало весь арсенал дипломатических средств, чтобы добиться согласия Румынии на проход Красной Армии через ее территорию на помощь Чехословакии.

Однако советская политика коллективной безопасности натолкнулась на ожесточенное сопротивление империалистических держав. В надежде направить германскую агрессию против СССР они пошли на сговор с Гитлером за счет Чехословакии.

---

⁷¹ DGFP, ser. 3, v. 2, p. 498.

⁷² История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945. М., 1960, т. 1, с. 145.

⁷³ История второй мировой войны. 1939—1945. М., 1974, т. 2, с. 104—107.